

17.09.93

18

Евгений МАТВЕЕВ:

Холмс. правда. - 1993. - 11 сент. - с. 3.

Мой Нагульнов в рынок не вписывается

Давно не появлялся на экранах любимец всех женщин бывшего Союза, замечательный актер Евгений Матвеев. И вдруг по телевизору: один из коммерческих банков вручает ему приз, как самому активному вкладчику.

Время и обстоятельства меняют людей, но неужто Макар Нагульнов так резко вписался в рынок?

— Было такое дело. Вложил 20 тысяч на 3 года в «Оргбанк», так оттуда позвонили и сказали, что мой вклад выиграл среди самых долгосрочных.

— Наверное, вы там были единственный с таким «сроком». Сейчас даже пенсионеры знают, что деньги надо вкладывать на три месяца. Через три года на них и коробку спичек не купишь.

— Ну вот видите, как всегда не угадал. Сколько лет идет реформа, а я никак не могу врубиться ни в терминологию, ни в суть.

— И как вы приживаетесь в новой эпохе?

— Так же сложно, как и все. Я разочарован в моей родной партии. Я ей служил с сорок шестого года, верой и правдой служил... В клоуза себя раздирал и, главное, верил и в цели эти прекрасные, и в благородные намерения. А теперь... Сначала перестройка

как-то не получилась, потом реформы как-то не получают. Для специалистов, может, это «как-то» и понятно, а для людей, среди которых я живу и к которым себя отношу, это непонятно и больно. Эту боль я и хочу вынести на экран в своей новой картине. Она будет называться «Любить по-русски».

— О чем этот фильм?

— Это про то, как я протестую против американизации современного искусства. Она везде проявляется, особенно в кино. Рынок вынуждает грешить против собственных совестей и морали. Режиссеру надо выжить, а значит, заполнить зрителя во что бы то ни стало. И чтоб затащить его в зрительный зал, режиссер идет на грех, соблазняя насильем, пороком. Я три года ничего не ставил и вот, наконец, получил сценарий, который давно ждал. Очень хочу, чтоб на экране моего фильма были красивые, добрые люди, милосердно относящиеся друг к другу, любящие и умеющие любить, страдающие в любви; страдающие потому, что они совестливые.

— Поставить фильм — дорогое удовольствие...

— Не говорите. Когда я начинал съемки, думал, что в сто миллионов уложусь, а теперь чувствую, что вряд ли. В техническом отношении

фильм довольно сложный: пожары, ночные съемки. Публично обращался к богатым людям, просил помочь, и многие откликнулись, но как только нужно было давать деньги, все куда-то пропадало. Сейчас у меня есть меценат, я верю в него и надеюсь, верю в его порядочность и доброту, но если и здесь меня ожидает разочарование, то тогда только найти сук и повеситься.

— Евгений Семенович, а вы еще не забыли, как работали над ролью Брежнева?

— Я столько уже об этом рассказывал... Мне часто задают вопрос: «Почему вы играли Брежнева?» А почему в магазинах продавцы продают плохую колбасу? Потому что такую привезли. А я артист, это моя профессия, если я откажусь играть, то я не получу зарплату. Но я отказывался от этой роли. Конечно, не по каким-то политическим убеждениям, а просто роль была неинтересная. Сахарный сироп, ни одной человеческой черточки. Мне интересно создавать сложные характеры, такие, как Нехлюдов, Нагульнов, Пугачев, Захар Дерюгин, а здесь — три слащавых эпизода, и все. Я стал искать возможность, чтоб не играть, тем более играть — нечего. Я говорил, что совсем на него не похож, и ростом выше, и возрастом старше (по сценарию

Брежнев был еще молодым). Но мне сказали: «Хватит капризничать. Тебя лично утвердил Суслов». Тут деваться было некуда.

— А встречались вы с Брежневым лично в процессе работы над ролью или, может, издали наблюдали?

— Нет, не встречался и в щелочку не подсматривал. Встречался с его помощниками — Александровым и Самойкиным.

— А еще какие-то трудности и сомнения были?

— Трудность была. У Леонида Ильича был южно-русский говор, на букву «г» он нажимал. Я к министру, спрашиваю: «Гэкать мне или не гэкать?». Министр отвечает, что, мол, Ленин картавил, и актеры, его изображающие, картавят. А я возражаю: «Ленин-то не слышал, а мой услышит». Министр ответил: «Ты народный артист, художник, вот и работай над образом». Я взял роль и все слова с буквой «г» убрал, заменил другими. Хорошо, что с речевым аппаратом у него тогда все в порядке было. Ну а вот образом Брежнева в недавнем фильме «Клан» я горжусь. Здесь было легко впасть в шарж, ведь играл я Брежнев эпохи семидесятых, когда он плохо слышал, плохо ходил, плохо говорил, тем более не было его в живых.

Я подумал, если я хоть чуточку позволю себе карикатурность, то мой зритель не простит мне, потому что это безнравственно.

— Что вы любите?

— Рыбу люблю, но никогда не ловил, люблю грибы, но их не знаю, дичь люблю, но их никогда не охотился. Женщин люблю, но они меня уже не любят. Недавно на одной из встреч со зрителями смотрю, сидит где-то в первых рядах грустная-грустная женщина. «Что с тобой, милая?» — спрашиваю, а она мне отвечает: «Пришла на тебя живьем посмотреть, а лучше бы не видела». Или вот в Анапе во время кинофестиваля «Шок» пошел на рынок и слышу, как женщина говорит: «Ой, господы, а бабу живого Матвеева, шо ж я детям скажу, он же старый и поганый». Вот так открыто и ясно. А я женщин люблю, особенно наших. У них руки уже, как у обезьяны, от сумок, а глаза светятся, как их не любить, как их не уважать!

— А делали вы женщин несчастными?

— Наверное, да. Но я не был виноват, и они не были виноваты, жизнь так складывалась, но это уже явно не для газеты...

Беседу вела
Галина ВАСИЛЬЕВА.

Матвеев Евг.